

Введенский А. И. Западная действительность и русские идеалы: (Письма из-за границы) // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 3. С. 545–564 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Западная действительность и русские идеалы.

(Письма из-за границы).

П И С Ъ М О В Т О Р О Е.

Протестантизмъ и свобода. — Слѣдствія и выводы изъ распоряженія одной евангелической консисторіи относительно цвѣта платьевъ для конфирмантокъ. — Преслѣдованіе католическаго папѣра за „свое сужденіе“ о протестантизмѣ. — Проектъ принудительнаго конфессіональнаго обученія закону Божию въ народной школѣ. — Въ какомъ смыслѣ можно говорить о свободѣ протестанта? — Характеристика протестантскаго богослуженія. — Теологи и пасторы. — Проектъ „религіозной реформы“. — Борьба двухъ міросозерпаній. — „Новые гунны“. — Трагическое положеніе поборниковъ „христіанскаго идеализма“. — P. S. Чествованіе университета днѣ рожденія Германскаго Императора.

Одинъ изъ профессоровъ Берлинскаго университета, выясняя различіе между протестантизмомъ и католичествомъ, свелъ все свои разсужденія въ концѣ концовъ къ слѣдующему: въ католичествѣ есть клиръ, который живетъ и мыслитъ за другихъ; въ протестанствѣ, строго говоря, нѣтъ клира и поэтому каждый предоставленъ самъ себѣ, самъ за себя долженъ думать и на свой страхъ въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствовать; католиковъ *спасаютъ* (представители клира), протестанты *спасаются*; тамъ авторитетъ, съ одной стороны, и духовное рабство, съ другой, здѣсь — полнѣйшая автономія и духовная свобода, она-же и высшее благо, которымъ, слѣдовательно, пользуются одни протестанты. Этимъ не сказано, конечно, ничего новаго. Таково и обычное представленіе о протестантизмѣ. И однако это, столь широко распространенное представленіе, которое повторяется всеми отъ полуобразованнаго до профессора, есть *предразсудокъ*, который далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если справедливо, что различіе между протестантизмомъ и

католичествомъ въ сущности сводится именно къ тому, на что указано упомянутымъ профессоромъ, то придется сознаться, что граница между этими исповѣданіями весьма подвижна и условна. Не заходя въ глубину отдаленнаго прошлаго и не входя въ общія разсужденія, укажемъ нѣсколько фактовъ изъ современной жизни, которыхъ, какъ намъ кажется, будетъ совершенно достаточно для иллюстраціи и обоснованія только что высказанной нами мысли.

У Берлинцевъ еще не изгладилась изъ памяти сенсаціонная исторія, которая въ свое время надѣлала много шума. Именно, въ позапрошломъ году Берлинская евангелическая консисторія издала одно странное распоряженіе, касавшееся... *цвѣта платья*, въ которыхъ молодыя протестантки должны приступать къ чину конфирмаціи: впродъ, — постановила консисторія, — въ подобныхъ случаяхъ допускается только черный цвѣтъ. Неизвѣстно, какими именно соображеніями руководствовалась консисторія, издавая такое распоряженіе. Догадывались послѣ, что и это распоряженіе идетъ изъ того-же самаго источника, изъ котораго уже вышло много подобныхъ-же распоряженій, — изъ стремленія даже въ мелочахъ провести различіе между протестантами и католиками (у которыхъ, какъ извѣстно, въ подобныхъ случаяхъ принято употреблять *бѣлый* цвѣтъ). Но официально консисторія мотивировала свое распоряженіе соображеніями совсѣмъ инаго порядка, — именно соображеніями экономическими: „черный цвѣтъ-де практичнѣе, такъ какъ черныя платья можно и послѣ носить“. Намъ нѣсколько, конечно, не удивляетъ, что консисторія исповѣданія, которое ставитъ себя въ заслугу именно свою близость къ землѣ и ея *живымъ интересамъ* (!), такъ близко входитъ въ хозяйственныя соображенія управляемыхъ ею общинъ; но удивляетъ ея недалекость, близорукость и поразительное незнание именно съ тѣми самыми хозяйственными интересами, на защиту которыхъ она выступила. Въ самомъ дѣлѣ, сторона прямо заинтересованная, т. е. матери конфирмантокъ нашли, что это предписаніе именно въ чисто хозяйственномъ отношеніи совсѣмъ непрактично, такъ какъ-де прежде для конфирмантокъ обыкновенно передѣлывались подвѣчные платья ихъ матерей, а теперь необходимо дѣлать новыя. И вотъ, въ силу этихъ экономическихъ затрудненій,

въ одномъ изъ Берлинскихъ приходоѡ нѣсколько дѣвушекъ менѣе состоятельныхъ родителей, слѣдуя прежнему обыкновенію и вопреки новому предписанію консисторіи, явились въ церковь (Kreuzkirche) въ бѣлыхъ платьяхъ и... не были допущены къ конфирмаціи. Въ слезахъ онѣ возвращаются домой; родители огорчены и поставлены въ безвыходное положеніе; въ приходѣ поднимается волненіе, которое охватываетъ и сосѣднія общины; въ газетахъ появляются памфлеты на темы въ родѣ такой напрімѣръ: für Milch von einer katholischen Kuh haben wir keine Verwendung (d. kleine Journal, 1890, 27 Sept., — см. статью подѣ заглавіемъ: Katholische und Evangelische Kleider)... А результатъ всего этого очень печаленъ: 2000 чел. оффициально выступили изъ Евангелической церкви, *не переходя ни въ какую другую*, т. е. образовавъ автокефальную общину.

Можно пожалуй сказать, что это мелочь. Но, во-первыхъ, какъ видимъ, эта „мелочь“ имѣла довольно крупныя послѣдствія; во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ именно то особенно и важно, что въ такой „мелочи“ было обнаружено такое энергичное ограниченіе свободы: если даже въ мелочахъ протестантизмъ такъ мало склоненъ оставлять людямъ свободу, то чего-же должны мы ожидать въ дѣлахъ болѣе важныхъ? А вотъ и отвѣтъ на этотъ вопросъ, — опять таки въ формѣ факта изъ совсѣмъ недавняго прошлаго. По поводу пресловутаго процесса супруговъ Гейнце, о которомъ и въ русскихъ газетахъ было достаточно говорено, редакторъ и издатель ежемѣсячнаго католическаго журнала Revue Catholique d'Alsace, патеръ Дельсоръ, помѣстивъ горячую статью, въ которой мрачными, но правдивыми чертами характеризовалъ жизнь берлинскаго полусвѣта, рѣзко отозвался „о деморализаціи германской столицы“, корни которой онъ видѣлъ въ односторонностяхъ протестантизма, и между прочимъ выразился такъ: „гдѣ (какъ въ Берлинѣ и вообще въ протестантскихъ странахъ и городахъ) царить всеотрицающая холодная разсудочность, тамъ мѣсто и животной грубости“. Кто не скажетъ подобнаго-же, если поближе познакомится съ благовиднымъ по внѣшности, отлощеннымъ и отполированнымъ, но исполненнымъ всякихъ нравственныхъ мерзостей и нечистотъ, Берлиномъ? Подобную характеристику услышать вовсе не рѣд-

кость; иногда можно ее встрѣтить и въ какомъ нибудь откровенномъ органѣ нѣмецко-протестантской прессы; а еще чаще — въ многочисленныхъ брошюрахъ и книгахъ, посвященныхъ описанію берлинской жизни. И однако бѣдный пасторъ Дельсоръ жестоко поплатился за свою прямоту: онъ былъ подвергнутъ суду (въ Мюльгаузопфѣ) и приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію, уплатѣ судебныхъ издержекъ и уничтоженію указаннаго мѣста въ журналѣ (!). Все это очень характерно для страны, которая свободу мысли и слова возвела чуть не въ первый членъ своего культурно-религіознаго исповѣданія и которая такъ часто и такъ любезно разсылаетъ по адресу другихъ странъ тяжеловѣсныя клички въ родѣ „barbarisches Reich“...

Отъ этихъ двухъ крайнихъ фактовъ, полукомического и полутрагического, перейдемъ къ третьему, среднему, который, будучи одинаково далекъ и отъ комизма и отъ трагизма, именно вслѣдствіе этого самаго, какъ всякая золотая середина, наиболѣе способенъ быть заключительною историческою справкою по занимающему насъ вопросу, — къ факту изъ области учебно воспитательной. Есть въ Берлинѣ аристократическій женскій институтъ, въ которомъ обыкновенно обучаются наши восточныя единовѣрки (румынки и т. д.), — Kaiserin-Augusta-Stiftung. По просьбѣ этихъ единовѣрокъ представитель нашей православной русской церкви въ Берлинѣ, протоіерей А. П. Мальцевъ, какъ сообщали въ свое время „Московск. Вѣдом.“ (отъ 13 янв. 1889 г.), дважды предлагалъ кураторіуму этого заведенія *бесплатно и въ часы, которые будутъ указаны начальствомъ заведенія*, преподавать его православнымъ воспитанницамъ уроки закона Божія и оба раза получилъ, подъ различными благовидными предлогами, отказъ, — къ великому своему и воспитанницъ огорченію. Намъ удалось здѣсь узнать, что вопросъ этотъ въ настоящее время улаженъ: кураторіумъ заведенія, встревоженный огласкою его отношенія къ просьбѣ нашего протоіерея, далъ просимое разрѣшеніе и указалъ для занятія закономъ Божиимъ соответствующіе часы. На основаніи этой исторіи, послѣ такого ея разрѣшенія, нельзя бы было сдѣлать, конечно, никакихъ выводовъ и обобщеній, если бы одинъ позднѣйшій *официальный* документъ не далъ намъ возможности убѣдиться, что

это невниманіе къ религіознымъ потребностямъ послѣдователей другихъ исповѣданій и косвенное посягательство на свободу религіозной совѣсти въ „культурно-свободной“ Германіи не есть явленіе исключительное.

Документъ, о которомъ мы только что упомянули, есть тотъ самый „Законопроектъ народной школы“ (Der Entwurf eines Volksschulgesetzes), который, будучи 14-го Января текущаго года внесенъ въ прусскую палату депутатовъ (въ Ландтагъ), съ той самой минуты составляетъ здѣсь самую крупную, исключительно выдающуюся злобу дня, поглощающую всѣ другіе интересы. Въ одномъ изъ многочисленныхъ параграфовъ этого характернаго законопроекта между прочимъ сказано: „дѣти, не принадлежащія къ одной изъ признанныхъ государствомъ религіозныхъ общинъ, *принимаютъ участіе въ религіозномъ обученіи школы* (т. е. вмѣстѣ со всѣми другими дѣтьми учатся Закону Божию у евангелическаго пастора или католическаго патера), если они не будутъ отъ этого освобождены правительственнымъ президентомъ“, которому должно быть для этой цѣли представлено удостовѣреніе въ томъ, что „дѣтямъ преподается религіозное обученіе въ формѣ, соотвѣтствующей ихъ исповѣданію (Bekennnisstande) и притомъ — лицомъ, получившимъ предварительное образованіе въ духѣ своего ученія и вообще къ тому пригоднымъ“ *). Можно понимать эти слова законопроекта различно, и шире, и уже; можно пожалуй не соглашаться, что ими „совершенно упраздняется свобода исповѣданія“ и вводится „жестокое насиліе совѣсти“ (ein grausamer Gewissenszwang), какъ трубятъ органы прогрессивной германской прессы (см. напр. Vossische Zeitung, № 39, перед. ст.). Но одно несомнѣнно, что затрудненій ими создается много и произволь отъкрывается большой:

*) Kinder, welche nicht einer vom Staate anerkannten Religionsgesellschaft angehören, nehmen an dem Religionsunterricht der Schule Theil, sofern sie nicht seitens des Regierungspraesidenten hiervon befreit werden. Diese Befreiung muss erfolgen, wenn seitens der zuständigen Organe der betreffenden Religionsgesellschaft ein bezüglicher Antrag gestellt und der Nachweis erbracht wird, dass den Kindern in der ihrem Bekenntnisstande entsprechenden Form und durch einen nach der Lehre ihres Bekenntnisses vorgebildeten, auch im Uebrigen befähigten Lehrer Religionsunterricht erteilt wird. — Entwurf eines Volksschulgesetzes, § 17.

опираясь на нихъ, ближайшее начальство всегда можетъ найти основанія повернуть дѣло такъ, что то или другое дитя должно будетъ „принимать участіе въ религіозномъ обученіи школы“, ему совершенно чуждой.

Выясняя различныя „коллизіи“, къ которымъ можетъ привести послѣдовательное проведеніе занимающаго насъ параграфа законопроекта, *Vossische Zeitung* между прочимъ говоритъ: „если въ строго католической мѣстности живетъ уединенный протестантъ, то несомнѣнно онъ имѣетъ полное право удалять своихъ дѣтей отъ католическаго религіознаго обученія. Но вотъ этотъ протестантъ выступаетъ изъ мѣстной Евангел. церкви, хотя-бы потому напр., что не можетъ примириться съ ея ультра-конфессіональнымъ направленіемъ: съ этой самой минуты (по смыслу законопроекта) онъ вынужденъ заставлять своихъ дѣтей принимать участіе въ католическ. рел. обученіи! Другой случай. Возможно, что, на основаніи возбужденныхъ полковникомъ Егиди (*Egidy* — объ немъ рѣчь ниже) стремленій, образуется новая рел. община. Ея послѣдователи (по смыслу законопроекта) тогда только получаютъ возможность освободить своихъ дѣтей отъ обязательнаго обученія религіи, когда представляютъ доказательства, что ихъ дѣти обучаются учителемъ, получившимъ соответствующее ихъ исповѣданію образованіе. Но откуда возьметъ такого учителя общество, которое только сегодня образовалось? Далѣе правительственный президентъ будетъ обязанъ разсматривать, дѣйствительно-ли такое обученіе соответствуетъ основаніямъ новаго рел. общества, т. е. долженъ сдѣлаться великимъ инквизиторомъ (*sic!*) всѣхъ диссидентовъ. Но для того у него едва-ли окажется достаточно времени и богословскихъ познаній. Наконецъ, если кто-либо выступаетъ изъ церкви, не примыкая ни къ какому рел. обществу, или если рел. общество, къ которому онъ приписанъ, не имѣетъ соответствующихъ органовъ, то онъ теряетъ всякую надежду освободить своихъ дѣтей отъ конфессіональнаго обученія. Можетъ представиться слѣдующій случай: духовное лицо евангел. церкви, которое долго и съ успѣхомъ трудилось на ея пользу, по требованію совѣсти, выступаетъ изъ нея и не можетъ примкнуть ни къ какому религіозному обществу: съ сего самаго момента, по смыслу законопроекта, оно теряетъ возможность

обучать религіи своихъ собственныхъ дѣтей, такъ какъ такое обученіе не будетъ признано законнымъ“ (№ 39). Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣти, родители которыхъ не принадлежатъ къ признанной государствомъ рел. общинѣ, *принудительно* должны принимать участіе въ такомъ обученіи, которое противорѣчитъ убѣжденіямъ ихъ родителей. И при томъ,—разъясняетъ таже газета въ другомъ мѣстѣ,—„все здѣсь предоставлено чистому случаю и произволу: можетъ случиться, что ребенокъ долженъ будетъ *перевучиваться* Закону Божию просто вслѣдствіе перемѣны мѣста жительства,—одинъ годъ онъ будетъ обучаться вмѣстѣ съ католиками, другой съ протестантами, а третій, пожалуй, и съ евреями“ (№ 51).

Таковъ смыслъ занимающаго насъ параграфъ законопроекта, какъ онъ понятъ и истолкованъ представителями нѣмецкой прессы. Воздерживаясь отъ повторенія рѣзкихъ отзывать, которые со всѣхъ сторонъ раздаются въ настоящее время, какъ вездѣ и всегда во времена возбужденія и недовольства, по адресу законопроекта и изъ которыхъ (отзывать) многіе, конечно, продиктованы раздраженнымъ и ослѣпленнымъ чувствомъ,—въ виду сдѣланныхъ разъясненій, мы, однако, должны признать, что этотъ законопроектъ, какъ заявилъ одинъ изъ депутатовъ палаты, дѣйствительно „очень далекъ отъ признанія свободы совѣсти и отъ положенія, что въ Пруссіи каждый можетъ спасаться какъ ему угодно“ (dass in Preussen jeder nach seiner Façon selig werden kann; см. рѣчь *Рухтера* въ засѣданіи 26 (14) Января). Защитнику ходячаго мнѣнія о господствѣ въ Германіи свободы исповѣданія и совѣсти остается теперь одинъ исходъ,—сказать, что законопроектъ можетъ быть принимаемъ въ соображеніе только *pro*, для характеристики возможнаго будущаго, но не *retro*, не какъ свидѣтельство о прошломъ, такъ какъ-де онъ не стоитъ въ связи съ этимъ прошлымъ. Но, къ несчастію для предполагаемаго защитника указаннаго мнѣнія, такой исходъ для него совершенно отрѣзанъ,—отрѣзанъ разъясненіями министра исповѣданій (Kultusminister), графа Цедлица, внесшаго и поддерживающаго свой законопроектъ въ палатѣ депутатовъ. Именно графъ Цедлицъ неоднократно разъяснялъ, что его законопроектъ вполне соотвѣтствуетъ господствующей практикѣ

(Verwaltungspraxis) и дѣйствующему въ Пруссіи праву (entspricht durchaus dem, was in Preussen geltendes Recht ist); что въ сущности онъ есть лишь послѣдовательное раскрытіе посылокъ, данныхъ уже въ *Verfangsurkunde* (1848 г.) и исторически необходимое развитіе практики прославленнаго Фридриховскаго времени (*der Fridericianischen Periode*), когда, „благодаря содѣйствію церковныхъ органовъ, подобная практика была даже еще шире, чѣмъ теперь“; что въ общемъ всѣ и всегда такими порядками были очень довольны, — особенно масса населенія; что „вопреки смѣнѣ времени и образа мыслей различныхъ министровъ, сущность школьнаго дѣла (*Schulwesen*) опредѣлялась именно такъ, какъ она теперь кодифицирована въ законопроектѣ“ и что, если наконецъ, онъ, министр, дѣлаетъ новый шагъ, возводя принятое на практикѣ въ болѣе твердую форму закона (*damit das, was jetzt thatsächlich überall besteht, künftig auf gesetzlicher Grundlage möglich bleiben soll*), то этотъ шагъ дѣлается несомнѣнно въ томъ-же направленіи, въ которомъ шло все историческое развитіе Пруссіи (см. рѣчи министра испов. графа Цедлица въ засѣданіяхъ 22 (10) и 25 (13) Янв.). И мы не имѣемъ никакихъ побужденій сомнѣваться въ исторической вѣрности этихъ авторитетныхъ разъясненій, особенно послѣ того, какъ самъ Цедлицъ заявилъ, что онъ обстоятельно ознакомился съ состояніемъ этого важнаго вопроса (*ich habe mich bei meinen Râthen eingehend in dieser schwerwiegenden Frage informirt*; см. его рѣчь въ засѣданіи 22 (10) Янв.).

Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ, хотя они собраны довольно случайно и, такъ сказать, на поверхности обыденной жизни, совершенно достаточно, чтобы поколебать наивную увѣренность многихъ и очень многихъ, будто протестантъ какъ то особенно, исключительно свободенъ, — свободнѣе, чѣмъ послѣдователь какого либо другаго исповѣданія. Нѣтъ, если и можно говорить о свободѣ протестанта, то развѣ въ нѣкоторомъ другомъ, едва ли впрочемъ желательномъ для защитниковъ разсматриваемаго тезиса, смыслѣ, — въ смыслѣ свободы протестанта скоро порвать съ своимъ прошлымъ и легко выступить изъ общества своихъ едиповѣрцевъ. Проявленій *такой* свободы въ протестантскомъ мірѣ дѣйствительно много: выступаютъ очень и

очень многіе и, какъ кажется, съ совершенно спокойнымъ сердцемъ. Выступаетъ цѣлый приходъ вслѣдствіе недоразумѣній изъ-за *цвѣта* платьевъ конфирмантокъ (см. выше); выступаетъ придворный проповѣдникъ (Штѣкеръ) вслѣдствіе какихъ то размолвокъ; выступаютъ его приверженцы, которые, какъ слышно хотятъ построить ему *независимую* (!) церковь; выступаютъ послѣдователи либеральнаго полковника Егиди, написавшаго нѣсколько легковѣсныхъ, вольнодумныхъ брошюръ и т. д. и т. д. Выступаютъ люди самостоятельные и свободомыслящіе; выступаютъ и духовные илоты, увлеченные идеями другихъ и мѣняющіе, слѣд., одну рабскую цѣпь на другую. И все это очень естественно и въ порядкѣ вещей въ „странѣ (*такой*) свободы“. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ дорожить „выступающему“? гдѣ тѣ узы, которыя протестанты страшились бы порвать? Что можетъ сплотить ихъ въ одну единицу, въ одно живое единство? Пересмотримъ эти начала религіознаго объединенія.

У насъ, православныхъ, самымъ первымъ по своей доступности и, такъ сказать, самымъ осязательнымъ началомъ религіознаго объединенія служитъ участіе въ богослуженіи, въ общеніи молитвъ и таинствъ, — едиными усты и единымъ сердцемъ. Такъ-ли здѣсь у протестантовъ? Что такое ихъ богослуженіе? Начиная съ внѣшности храмовъ и кончая его составомъ и характеромъ, оно производитъ впечатлѣніе чего-то забытаго, заброшеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на берлинскіе храмы! Они точно затерялись въ массѣ исполнинскихъ зданій и высматриваютъ какъ-то сиротливо, сѣро, бѣдно и неубранно: берлинцы, кажется, обо всемъ помнятъ, кромѣ своихъ храмовъ. А въ самыхъ храмахъ? Эти голыя каменные стѣны, съ которыхъ у насъ смотрятъ строгіе лики угодниковъ; эти газовые рожки, вмѣсто благолѣпныхъ восковыхъ свѣчей нашихъ храмовъ; эти загороженные мѣста для сидѣнія, откупленные богачами, обыкновенно блистающими своимъ отсутствіемъ; эта развязанность и непринужденная позировка посѣтителей, завернувшихъ въ храмъ точно случайно и спокойно становящихся спиною къ алтарю и Распятію; это заунывное и монотонное вытягиваніе псалмовъ подъ аккомпаниментъ органа; наконецъ эта длинная, ученая, иногда краснорѣчивая, но всегда сухая и напыщенная проповѣдь: все это въ совокупности

очень грустно и даже не назидательно, хотя, повидимому, больше всего и рассчитано именно на назидательность. Пѣть, когда разрушено зданіе церкви и порвана связь съ историческимъ преданіемъ; когда по произволу одно выброшено, другое оставлено и на этомъ голомъ, „расчищенномъ“ (?), по плохо выравненномъ мѣстѣ держится длинная и велерѣчивая проповѣдь не столько во имя Божіе, сколько во славу человѣческую, то вѣрѣ и искреннему, дорогому, теплому религіозному чувству приходится сказать „прости!“ Единство *такого* богослуженія объединяетъ слабо. Къ нему можно привыкнуть; присутствуя за нимъ можно испытывать нѣкоторое *эстетическое* впечатлѣніе чего-то высокаго, серьезнаго и строгаго въ своей простотѣ; но истиннаго *религіознаго* одушевленія, дѣтски простой и дорогой сердцу вѣры здѣсь нѣтъ:

Я лютеранъ люблю богослуженіе,
Обрядъ ихъ строгій, важный и простой;
Сихъ голыхъ стѣпъ, сей храмины пустой
Помятно мнѣ высокое *ученье*.

Но видите-ль? Собравшись въ дорогу,
Въ послѣдній разъ вамъ *Вюра* предстоитъ:
Еще она не перешла порога,
Но домъ ея ужъ пусть и голъ стоитъ;

Еще она не перешла порога,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но часъ насталъ, пробилъ... Молитесь Богу:
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь...
(Тютчевъ).

Авторъ настоящихъ „писемъ изъ-за границы“ много разъ бывалъ за протестантскимъ богослуженіемъ, — въ храмахъ богатыхъ и бѣдныхъ, большихъ и малыхъ, слушалъ проповѣди „знаменитостей“ и всегда выносилъ одно и то же, характеризованное выше, впечатлѣніе. Конечно, здѣсь имѣетъ громадное значеніе привычка къ своему, православному, и заранѣе приносимое предубѣжденіе противъ чужаго. Но вотъ что характерно и интересно: сами протестанты жалуются на бѣдность и бессодержательность своего богослуженія.

Такъ, извѣстный переводчикъ литургій древней православи. Церкви, пасторъ Кракау (изъ Шаумбурга) въ предисловіи къ своему труду (*Die Liturgie des Heil. Johannes Chrysostomus, Gütersloh, 1890*) замѣчаетъ, что именно сухость протестантскаго богослуженія была однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ его приняться за работу. Или вотъ еще примѣръ: одинъ изъ профессоровъ богословія въ берл. университетѣ, узнавъ, что его собесѣдникъ русскій, заявилъ, что онъ бывалъ и любить бывать за богослуженіемъ въ церкви при *Botschaft'*; что оно, хотя онъ и не понимаетъ его словъ, производитъ на него очень сильное впечатлѣніе. И это не была со стороны профессора простая любезность: его дѣйствительно можно часто видать въ русской посольской Церкви. Такихъ примѣровъ можно было-бы привести много, если-бы они были нужны. Неудивительно, послѣ всего этого, что въ Берл. „Киркахъ“ всегда бываетъ просторно. Въ самомъ „Домѣ“ (соборѣ) и при томъ даже, когда въ немъ присутствуетъ королевская фамилія и когда, слѣд., богослуженіе особенно торжественно и проповѣдь особенно краснорѣчива, всегда остается много свободнаго мѣста. И это понятно! Въ самомъ дѣлѣ, если оцѣнивать богослуженіе съ точки зрѣнія *эстетической*, — а такая оцѣнка, какъ мы сказали именно прежде всего и напрашивается, — то храму можно и естественно предпочесть театръ или даже какую нибудь *Kunsthalle*... Особенно рѣдко можно встрѣтить въ храмѣ простолюдина. Онъ очень дорожитъ единственнымъ свободнымъ днемъ въ недѣлѣ и спѣшитъ воспользоваться имъ для другихъ цѣлей. Къ тому-же услужливые вожди и благожелатели социаль—демократовъ успѣли отвлечь ихъ праздничное вниманіе совершенно въ другую сторону: за ничтожную плату они организовали для нихъ воскресные спектакли (въ Бель-Альянсѣ). Послѣ этого понятными становятся горькія жалобы президента министровъ, графа Каприви на крайнюю трудность поддерживать духъ благочестія и вѣры въ семьѣ современнаго нѣмецкаго рабочаго (см. его рѣчь въ засѣданіи палаты депутатовъ 30 (18) Янв.).

Другимъ существенно важнымъ началомъ религіознаго единенія справедливо признается іерархія. Но и дѣйствіе этого начала въ протестантизмѣ очень слабо. Не говоря уже о томъ, что по самому строю протестантской жизни,

отношенія между пастырями и ихъ пасомыми довольно рѣдки (извѣстно, что у протестантовъ нѣтъ самаго могучаго средства вліянія пастыря на пасомыхъ — исповѣди), — даже тамъ, гдѣ эти отношенія имѣютъ мѣсто, они не могутъ, повидимому, имѣть особенно глубокаго вліянія. Причина этого заключается въ томъ, что какъ на проповѣднической кафедрѣ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ пасторъ выступаетъ не столько во имя Божіе, сколько во имя авторитета науки и собственной учености. И это понятно. Въ самомъ дѣлѣ, что такое студентъ — теологъ — этотъ будущій пастырь словеснаго стада? Съ какими идеалами, съ какимъ знаменемъ выступить онъ на свое служеніе? Изъ гимназіи въ университетъ онъ не приноситъ ничего богословскаго, никакихъ *духовныхъ* (въ техническомъ смыслѣ слова) стремленій. Въ университетѣ, безъ всякой предварительной, *усвоенной въ дѣтскіе годы на авторитетъ и вѣру*, подготовки, которая-бы давала, пусть необширную и даже не особенно тщательно воздѣланную, но за то твердую почву, онъ прямо попадетъ въ перекрестный огонь богословскихъ *мнѣній*. Естественно, что при такихъ условіяхъ онъ легко теряется и путается. Если *Гарнакъ* говоритъ, что догматика есть нѣчто условное, второстепенное и можетъ быть даже излишнее, а *Кафтанъ* отстаиваетъ догматику лишь во имя ея практическаго значенія для объединенія единомыслящихъ въ одномъ исповѣданіи: то что остается дѣлать бѣдному студенту — теологу? Онъ видитъ, что все это по меньшей мѣрѣ очень спорно и что умный человекъ непременно долженъ все перерѣшить для себя и по своему. И перерѣшаетъ — выкраиваетъ изъ разныхъ университетскихъ лоскутковъ *свою*, конечно, еще болѣе условную догматику: „что, — молъ — понимаю!“ Встрѣчаясь съ православнымъ теологомъ, онъ спрашиваетъ: „а что, читаются ли у Васъ въ символѣ слова: *ich glaube an... Auferstehung des Fleisches*“ (вѣрую въ воскресеніе плоти — 3-й чл, евангел. символа)? — Конечно. — „Но кто-же этому, въ настоящее время вѣритъ серьезно?“ — Да вѣдь вы вѣрите-же слову Божію, а тамъ сказано ясно... И онъ съ интересомъ освѣдомляется, гдѣ это „сказано ясно“. И вотъ этотъ-то теологъ, который до того свободенъ отъ всякихъ „авторитетовъ“, „предразсудковъ“ и „предвзятыхъ идей“, что долженъ справляться,

гдѣ говорится въ писаніи о воскресеніи мертвыхъ; который долженъ самостоятельно (!) и на свой страхъ вырабатывать свою догматику; который изъ всѣхъ своихъ университетскихъ штудій выносить, можетъ быть, только одно непоколебимо-твердое убѣжденіе — „убѣжденіе въ царственной силѣ критическаго разума“; — этотъ-то теологъ долженъ созидать религіозное единство своей паствы! Неудивительно, что такой, подѣвленный скентицизмомъ, теологъ, сдѣлавшись полувѣрующимъ пасторомъ, начинаетъ, — *sit venia verbo!* — начинаетъ просто кокетничать съ невѣріемъ. Мы недавно случайно натолкнулись на образчикъ такого кокетства. Говоря о новыхъ проэктахъ рел. реформы, — проэктахъ совершенно радикальныхъ, — пасторъ дѣлаетъ въ сторону ихъ много постыдныхъ уступокъ и договаривается между прочимъ даже до того, что въ отрицаніи личнаго Бога нѣтъ ничего дурнаго: „отрицаніе личнаго Бога, — говорилъ онъ, — само по себѣ вовсе не ведетъ къ какимъ нибудь дурнымъ послѣдствіямъ (!); оно такъ же мало дѣлаетъ безнравственнымъ, какъ признаніе личнаго Бога нравственнымъ“ (*Drei religiöse Reformvorschläge der neueren Zeit, Berlin, 1891 v. R. Z., protestantischem Pfarrer, S. 30*). Особенно любопытно въ данномъ случаѣ то, что этотъ, рисующійся своимъ либерализмомъ, *Pfarrer*, подчеркнувшій на заглавномъ листѣ брошюры, что ея авторъ есть именно *Pfarrer*, счелъ, однако необходимымъ скрыть свое имя подъ инициалами: вѣроятно, все же боится консисторіи. Жалкіе пасторы, бѣдная паства!

Конечно, плоды такого ненормальнаго строя вещей не замедлили обнаружиться. Невѣріе, которое уже давно свило себѣ гнѣздо въ нѣдрахъ протестантскаго міра, за послѣднее время все выше и выше поднимаетъ свою голову. Съ какою-то роковою, пугающею, періодически правильною постепенностью каждое послѣднее десятилѣтіе являются новые проэкты религіозной реформы, все болѣе и болѣе рѣшительные, все болѣе и болѣе заносчивые и притязательные: въ 1870 г. появился проэктъ Пекó (*Pécaut: die reine Gottesidee, das Wesen d. Religion der Zukunft*), въ 1880 г. — проэктъ Вернике (*Wernicke: die Religion des Gevissens, als Zukunftsideal*), наконецъ, въ 1890 — проэктъ полковника Егиди (*Egidy: ernste Gedanken*; съ содержаніемъ этихъ про-

эктовъ можно познакомиться по вышеуказанной брошюрѣ неизвѣстнаго Pfaffer'a). Катехизисъ всѣхъ этихъ проэктовъ, расходящихся въ частностяхъ, но одинаковыхъ по своей основѣ, очень не богатъ и не сложенъ: „Христосъ былъ простой человѣкъ; Богъ не можетъ быть троичнымъ и даже личнымъ; Церковь и всѣ ея учрежденія — обманъ“. Особенно достается, какъ впрочемъ, это и всегда бываетъ, бѣдному протестантизму, на лонѣ котораго эти „хулители“ воспитались: протестантизмъ, — разсуждаютъ они, — непослѣдователенъ; онъ начерталъ на своемъ знамени свободу вѣры и совѣсти, но уже первые реформаторы это знамя уничтожили; онъ отвергъ *римскаго* папу, но поставилъ на его мѣсто другаго, *бумажнаго* (Библию); его первоначальные добрые нравы скоро изсякли и теперь онъ существуетъ только поддержкой со стороны государства, которому естественно и самъ прислуживается, не по расположенію, впрочемъ, а изъ своекорыстныхъ интересовъ“ (Вернике). Мыслящіе люди, — продолжаютъ реформаторы, — уже давно поняли фальшь протестантизма; теперь эти идеи проникли и въ массу народа; остается только дожидаться „новаго пророка“, который соберетъ всѣ недовольные элементы подъ своимъ знаменемъ и создастъ новый строй религіозной жизни, при которомъ будутъ возстановлены права автономной совѣсти и мысли...

„Къ сожалѣнію „проэктъ религіозной реформы“, подобные только что указаннымъ, не представляютъ исключенія. Мракъ невѣрія распространился широко и по мѣстамъ сгустился въ темныя тучи, которыя зловѣще нависли надъ горизонтомъ протестантскаго міра. Это самымъ очевиднымъ образомъ доказывается исторіею упомянутаго уже нами выше „школьнаго законопроэкта“. Не даромъ онъ такъ долго и страстно обсуждался въ палатѣ депутатовъ, не даромъ привлекалъ къ себѣ всеобщее и напряженное вниманіе! Послѣднее засѣданіе (30 Янв.), посвященное законопроэктору, было открыто такими словами одного депутата: „я думалъ, что совѣщаніе о проэктѣ продлится много — много три дня, какъ битва при Лейпцигѣ. Но вотъ, какъ *знаменитое сраженіе съ гуннами*, дебаты тянутся уже цѣлую недѣлю и, какъ это сраженіе, являются великою духовною борьбою не только въ области школы, но и въ области нравственно-

религіозной и политической жизни. Два міросозерцанія, отдѣленные непроходимой пропастью, стоятъ здѣсь другъ противъ друга“ — христіанское и антихристіанское! Это очень мѣтко и вѣрно! Дѣйствительно мы присутствуемъ на зрѣлищѣ великой борьбы, которую ведутъ поборники христіанскихъ идеаловъ, — увы, не многочисленные и едва-ли сильнѣйшіе! — съ новыми *гуннами*, поборниками безбожной культуры.

На первомъ планѣ въ этой борьбѣ предъ нами выступаютъ „гунны“, дѣйствительно страшные въ своей разнузданной откровенности, въ своихъ несдерживаемыхъ притязаніяхъ, въ своей угрожающей позѣ, — гунны, навербованные изъ всѣхъ слоевъ общества, отъ краснаго соціал-демократа, до ученаго, всемірно-извѣстнаго профессора. Мы видимъ здѣсь много оттѣнковъ: „свободно консервативная партія унижаетъ достоинство *церкви*, національ-либералы не цѣнятъ *исповѣданія*, свободомыслиціе не вполне цѣнятъ *христіанство*“ (изъ рѣчи Штёкера отъ 30 Янв.); одни добиваются для школы свободы отъ вмѣшательства въ ея жизнь духовенства, другіе — спасенія отъ „Дамоклова меча догматизма“, т. е. всякаго вообще религіознаго обученія; иные требуютъ отрѣшенія отъ „староцерковныхъ преданій“ и преобразованія *христіанства* въ духѣ „новой культуры“ (см. рѣчь депут. Knörke, въ засѣд. 30 Янв.), другіе — отрѣшенія отъ *всякихъ религіозныхъ* основъ воспитанія и приглашаютъ, для убѣжденія въ существованіи и превосходствѣ внѣрелигіозной морали надъ религіозною, ознакомиться съ жизнью дикарей, этихъ „лучшихъ людей, по выраженію знаменитаго (?) англійскаго путешественника“ (см. въ засѣд. 29 Янв. рѣчь *Вирхова* — знаменитаго профессора Вирхова!) и т. д. Но не смотря на всю эту разногласицу, на всѣ эти трудноуловимые оттѣнки въ рѣчахъ либеральныхъ депутатовъ ландтага, основной тонъ ихъ одинъ и тотъ-же: „въ послѣдней инстанціи дѣло идетъ здѣсь, — выражаясь словами графа Каприви, — не объ *evangelisch* u. *Katholisch*, но о *христіанствѣ* и *атеизмѣ*“ (см. его рѣчь въ засѣд. 29 Янв.). „По моему мнѣнію, — развивалъ свою мысль президентъ министровъ, — мы больны тѣмъ, что насъ покинулъ идеализмъ. Теперь становится все сильнѣе и сильнѣе то міросозерцаніе, которое стоитъ въ противоположности *so*

всякою религіею и, кажется, даже въ Берлинскихъ школахъ это безспорно атеистическое міросозерцаніе распространяется все больше и больше. Я согласенъ, что атеизмъ не стоитъ въ необходимой связи съ социализмомъ; но это лишь потому, что онъ выступаетъ *за предѣлы* социальной демократіи. Я вижу въ немъ рѣшительную опасность для нашей государственной жизни“ (тамъ-же). Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ горькихъ жалобъ графа Каприви на широкое и опасное распространеніе въ Германіи атеизма служить то единодушное движеніе на поддержку вождей либеральныхъ партій ландтага, которое охватило почти всё слои общества до университетскихъ сферъ включительно. Въ прошломъ году извѣстный педагогъ Диттесъ проповѣдывалъ въ собраніи учителей какое то совершенно нейтральное христіанство и, подъ его влияніемъ, учителя высказали желаніе, чтобы религіозное обученіе было совершенно изгнано изъ школы; теперь Вирховъ, — профессоръ, который „стоитъ на высотѣ духовной жизни“, — доказываетъ въ ландтагѣ, что можно обходиться безъ откровенія и съ восторгомъ говорить о правдивости дикарей; вслѣдъ за нимъ прогрессивная *Vossische Zeitung*, со словъ какого-то „компетентнаго лица“ изъ университетскихъ круговъ, доказываетъ, что „Церковь, какъ провозвѣстница своихъ догматовъ, стоитъ теперь въ непримиримой противоположности съ наукою“ и что, по этому, настоятельно необходимо „совершенное выдѣленіе религіознаго обученія изъ учебныхъ плановъ государственной школы“ (№ 53.); перетряхиваются старыя книги; тревожатся мирно почивающіе авторитеты — нѣмецкіе и иностранные; изъ Канта, Уэтли (англ.), Вайтца и др. ученыхъ дѣлаются выписки съ цитатами (въ газетахъ! — совершенно по нѣмецки) въ доказательство возможности и превосходства внѣрелигіозной морали, школы, культуры и т. д. Мы видимъ такимъ образомъ, что радикальныя рѣчи депутатовъ ландтага суть не больше, какъ отголосокъ общей, широко распространенной и вѣками воспитанной либеральной мысли; что либералы ландтага суть плоть отъ плоти и кость отъ кости своихъ многочисленныхъ единомышленниковъ, съ которыми они связаны узами кровнаго и духовнаго родства.

Среди этихъ волнъ отовсюду наплывающаго невѣрія, положеніе поборниковъ христіанскаго идеализма поистигъ тра-

гично, — подобно положенію судна среди разъяренной морской стихіи. Только глубокое убѣжденіе въ томъ, что западной „культурно-соціальной жизни грозятъ великія опасности“; что источникъ развѣдающихъ ее золь коренится въ охватившемъ всѣ слои общества атеизмъ; что „соціализмъ не есть метеоръ, неожиданно упавшій съ неба на землю, или призракъ, внезапно появившійся изъ ада, но есть продуктъ грѣховъ и заблужденій этого міра“; что единственное средство борьбы съ нимъ, какъ сказалъ императору одинъ пасторъ въ Шлезвигѣ, „церкви строить, пасторовъ ставить“, да насаждать въ сердцахъ подрастающаго поколѣнія посредствомъ школы духъ страха Божія и благочестія; что „религіозное воспитаніе возможно только на началахъ конфессіональныхъ, такъ какъ христіанство безъ опредѣленнаго исповѣданія немислимо“; что, слѣд., наконецъ, въ школъ должны получать выдающагося значеніе пасторы и другіе представители духовной власти: только глубокое убѣжденіе во всемъ этомъ могло дать комитету министровъ смѣлость внести въ палату депутатовъ школьный законопроектъ, который, хотя и имѣетъ за себя нѣкоторые прецеденты въ практикѣ и правѣ прошлаго, однако-же стоитъ въ совершенной противоположности со всѣмъ строимъ современной внѣрелигіозной культуры, которая ни за что не хочетъ допустить въ нашъ просвѣщенный вѣкъ „торжества клерикализма“, долженствующаго „загасить всѣ свѣточи, зажженные новой наукой“. Всякій, кому дорого торжество добра, гдѣ бы онъ ни встрѣчалъ его, долженъ отдать дань уваженія людямъ, которые, вопреки вѣковымъ традиціямъ и исторической расшатанности умовъ и принциповъ, взяли на себя смѣлость сказать, что міръ долженъ быть управляемъ и руководимъ твердою рукою и по твердымъ законамъ и правиламъ, проникнутымъ религіознымъ духомъ; что если теперь царятъ въ жизни широко-либеральныя начала, неосторожно допущенныя во времена прошедшія, то, въ виду безспорно *ими* причиненныхъ великихъ нестроений и золь, ихъ необходимо ограничить и исправить. Но съ другой стороны нельзя не задуматься надъ тѣмъ, не сказано-ли это слово слишкомъ поздно; не будетъ-ли оно, не смотря на поддержку высокимъ авторитетомъ Монарха, при современныхъ условіяхъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и не по-

топить-ли то теченіе, противъ котораго плыветъ теперь министерство (какъ оно само заявило о томъ, см. рѣчь *Каприви* въ засѣд. 29 янв.), всѣхъ его благородныхъ усилий въ своихъ холодныхъ и мутныхъ волнахъ? Возоблаждаетъ-ли голосъ благоразумныхъ и такимъ образомъ весь вопросъ разрѣшится мирно, или, какъ предвѣщаютъ вожди либерализма (см. напр. рѣчь *Риккерта*, въ засѣд. 30 янв. конецъ), загорится новая борьба, которая пронесется по всѣмъ странамъ протестантскаго запада и наполнитъ ихъ ужасами, которыхъ можетъ быть не ожидаютъ, — обнаружить, конечно, время. Но что оно уже и теперь съ достаточною ясностью обнаружилось, такъ это то, что на историческомъ деревѣ протестантизма оказался не пустоцвѣтъ (это-бы еще ничего), а плодъ съ содержаніемъ значительной дозы ядовитаго, разлагающаго жизненныя основы, начала.

Мы достигли теперь того пункта, на которомъ должны уже дать ясный отвѣтъ на вопросъ, служившій скрытымъ мотивомъ всѣхъ нашихъ разсужденій въ настоящемъ письмѣ, — на вопросъ: въ чемъ же въ концѣ концовъ существо протестантизма? Мы показали, полагаемъ, съ достаточною очевидностью, что, вопреки общераспространенному предразсудку, его нельзя видѣть въ предоставленіи протестантизмомъ своимъ послѣдователямъ какой-го особенной, исключительной свободы; свобода протестанта очень условна. Но въ чемъ же, если не въ этомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, подсказываемый всѣми сдѣланными доселѣ справками и разсужденіями, такъ жестокъ, что намъ не хотѣлось бы произносить его отъ своего имени. Поэтому мы предоставимъ его высказать за насъ писателю, который такъ много говорилъ страшнаго и жестокаго, что къ его жесткостямъ всѣ привыкли, и который, съ другой стороны, вслѣдствіе большаго и непосредственнаго знакомства съ протестантскимъ міромъ, имѣетъ болѣе, чѣмъ мы, данныхъ для мотивировки своего рѣшительнаго приговора. „*Протестантизмъ*, — читаемъ мы у этого писателя, — *есть не что иное, какъ переходная ступень отъ подлиннаго христіанства къ современнымъ культурнымъ идеямъ, которыя въ важнѣйшихъ пунктахъ діаметрально противоположны идеямъ христіанскимъ, и потому со дня своего рожденія и до своей смерти онъ есть явленіе самопротиво-*

ritchivoe, такъ какъ на всѣхъ ступеняхъ своего развитія представляетъ соединеніе противоположностей, не соединимыхъ по самому своему существу“ (Eduard von Hartmann: die Selbstersetzung des Christenthums und die Religion der Zukunft. Berl. 1874, S. 15).

PS. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ этому вопросу, когда (въ ближайшемъ письмѣ) перейдемъ къ характеристикѣ умственной жизни протестантскаго запада. А теперь, чтобы не оставлять читателя подъ гнетомъ мрачнаго настроенія, которое, быть можетъ, навѣяли на него предыдущія страницы, позволимъ себѣ въ заключеніе отвлечь его вниманіе въ другую сторону, — на предметъ, который хотя и не стоитъ въ связи съ содержаніемъ настоящаго письма, но который, однако, вслѣдствіе интереса новизны и современности, имѣеть, кажется, право занять здѣсь нѣсколько строкъ. Именно, мы хотимъ сказать о чествованіи Берлинскимъ университетомъ дня рожденія Германскаго Императора. Намъ пришлось быть свидѣтелями этого чествованія.

Ровно въ 12 ч. 27 (15) янв. въ небольшой сравнительно, но изящный и богато украшенный тропическими растениями, эффектно расположенными около бюста императора, университетскій залъ (aula), который къ этому времени уже былъ переполненъ публикою, вступила корпорація многочисленныхъ профессоровъ. Зрѣлище любопытное и даже величественное! Точно на время переносишься въ средніе вѣка. Впереди два герольда въ красныхъ тогахъ, беретахъ и съ жезлами; за ними ректоръ и длинная вереница профессоровъ по факультетамъ (теологи, юристы, медики, философы), всѣ такъ же въ тогахъ и беретахъ, — каждый факультетъ своего цвѣта. Когда профессора заняли свои обычные мѣста на особыхъ подмосткахъ, хоръ пропѣлъ „jauchzet“ (Псал. 100) и затѣмъ началась рѣчь. Ее заготовилъ знаменитый профессоръ Курціусъ, но за его болѣзнію читалъ его коллега по предмету Шмидтъ. Рѣчь была посвящена вновь воздвигаемому въ Берлинѣ зданію рейхстага. „Когда былъ принятъ планъ, — такъ начиналась рѣчь, — воздвигнуть на государственныя средства зданіе, въ которомъ могли бы собираться депутаты объединеннаго наконецъ въ одно цѣлое народа, тогда во многихъ кругахъ зародилась

мысль, что новое зданіе въ своей монументальной отдѣлкѣ должно служить полнымъ свидѣтельствомъ о томъ счастливомъ развитіи, на путь котораго милостію Божіею вступило наше отечество. И чѣмъ выше теперь возводится зданіе, тѣмъ живѣе становится наше общее желаніе, чтобы и внутри и совнѣ оно вполнѣ удовлетворяло всѣмъ нашимъ ожиданіямъ, согрѣтымъ любовью къ отечеству. Дѣло идетъ здѣсь не о томъ только, чтобы оно цѣлесообразно и достойно отвѣчало потребностямъ государства, но и о томъ, чтобы оно явилось созданіемъ, въ которомъ нашли бы свое полное выраженіе всѣ плоды нѣмецкаго образованія. А для этого необходимо, чтобы, при его сооруженіи, были примѣнены всѣ искусства, которыя должны вступить здѣсь въ тѣсное внутреннее сочетаніе и дополнять другъ друга“. Послѣ этого „приличнаго“ вступленія, профессоръ, по нѣмецкому обыкновенію, повелѣлъ слушателей въ глубь сѣдой древности и началъ обзорѣніе взаимныхъ отношеній между различными вѣтвями искусства, особенно пластикою и архитектурою, — со временъ ассиріянъ и вавилонянъ и до нашихъ дней. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ странствованій, съ чисто нѣмецкою осторожностью и аккуратностью, онъ благополучно достигъ желаннаго конца, который, мицпя все содержаніе рѣчи, непосредственно примыкалъ къ ея началу: именно, рѣчь заканчивалась восторженнымъ желаніемъ процвѣтанія нѣмецкому народу, искусству, наукѣ и университету подъ державнымъ скипетромъ Гогенцоллерновъ. По окончаніи рѣчи хоръ пропѣлъ гимнъ: *Salvum fac regem clementem nostrum, Domine...*

Публика была, повидимому, очень довольна, — во-первыхъ, торжественностью обстановки и во-вторыхъ тѣмъ, что все это торжество окончилось очень скоро: началось засѣданіе ровно въ 12, а въ часъ залъ былъ уже совершенно пустъ.

А. Введенскій.

Берлинъ.
12 фѣвр. (31 янв.), 1892 г.